

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией
архивных материалов

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58>

<https://elibrary.ru/WUSNSY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Фон для молодого Толстого. Алексей Н. Толстой в воспоминаниях Е.Ю. Гана

© 2026, М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева,
Самара, Россия

Аннотация: Настоящая публикация фрагментов воспоминаний Евгения Гана (1883–1961) является окончанием мемуарного очерка, начало которого увидело свет в 1982 году на страницах сборника «Алексей Толстой и Самара». Однокашник А.Н. Толстого по Самарскому реальному училищу, Е.Ю. Ган описал в своих мемуарах весь период их знакомства с будущим писателем, продолжавшийся с конца 1890-х до 1910–1911 гг. В настоящем фрагменте рассказывается про несколько встреч бывших одноклассников в студенческий период их жизни, начавшийся осенью 1901 г. и в силу разных причин затянувшийся на целых десять лет, до начала 1910-х гг. Наибольший интерес представляют подробно описанные мемуаристом встречи с Толстым во время зимних каникул 1901–1902 гг., разбор старинной библиотеки в доме отца юного Толстого летом 1902 года, а также — короткие встречи во время революционных волнений 1905–1907 гг. и последняя встреча на литературном вечере в петербургской квартире Толстого в 1911 г. Во вступительной статье, предворяющей публикацию, раскрываются факты биографии мемуариста, делающие понятными характер его взаимоотношений с А.Н. Толстым.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, Е.Ю. Ган, Самара, студенческие каникулы, революция 1905–1907 гг., Дрезден, Петербург, литературный вечер, Ф. Сологуб, М. Кузмин.

Информация об авторе: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Для цитирования: *Перепелкин М.А.* Фон для молодого Толстого. Алексей Н. Толстой в воспоминаниях Е.Ю. Гана // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 33–58. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58>

Автор публикуемых ниже мемуаров, одноклассник А.Н. Толстого по Самарскому реальному училищу, Евгений Юльевич Ган родился 15 апреля 1883 г. в семье Вюртембергского подданного и выпускника Гогенгеймской земледельческой академии Юлия Августовича Гана. Переехав в Россию, отец мемуариста служил управляющим в имениях светлейшего князя Е.М. Романовского¹, князей В. и П. Оболенских², графа В.П. Орлова-Давыдова³, князя С. Долгорукова⁴, Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных⁵, В.В. Апраксина⁶ и др., при этом зарекомендовав себя как грамотный агроном и добросовестный старательный работник.

Матерью мемуариста была дочь священника самарской Вознесенской церкви Павла Любимова Вера, в 1867 г. ставшая женой Ю.А. Гана.

Потеряв в мае 1889 г. кормильца, семья, состоявшая в это время из матери будущего автора воспоминаний, двух его сестер, Софии и Александры, и брата Владимира, студента-первокурсника Харьковского Технологического института⁷, вначале переехала из села, в котором служил и скончался его отец, в ближайший город — Новочеркасск, а позже, в 1895-м, на родину матери, в Самару, где жил ее брат — городской ветеринарный врач Александр Павлович Любимов. В Самаре Евгений Ган продолжил обучение в реальном училище⁸, начатое еще в Новочеркасске, и окончил это училище вместе с А. Н. Толстым в 1901 году, с медалью за отличные успехи⁹.

¹ Е.М. Романовский (1847–1901) — светлейший князь, герцог Лейхтенбергский.

² В.Н. Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1848–1907) — князь, товарищ министра иностранных дел, член Государственного совета; П.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1850–1913) — князь, генерал-майор.

³ В.П. Орлов-Давыдов (1809–1882) — граф, тайный советник, обер-церемониймейстер, писатель.

⁴ С.А. Долгоруков (1809–1891) — князь, действительный тайный советник, глава Ковенской и Витебской губерний, член Государственного Совета.

⁵ Ю.Ф. Самарин (1819–1876) — философ-славянофил, публицист, переводчик; Д.Ф. Самарин (1831–1901) — общественный деятель, писатель, младший брат Ю.Ф. Самарина.

⁶ В.В. Апраксин (1822–1898) — действительный статский советник, гофмейстер, предводитель дворянства Орловской губернии.

⁷ В.Е. Ган — старший брат Е.Ю. Гана, сослуживец инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского.

⁸ Самарское реальное училище открылось в 1880 г. и существовало до 1918 г. См. о нем: [9].

⁹ Об этом свидетельствует установленная в актовом зале училища доска, на которую были нанесены имена лучших выпускников этого учебного заведения. Фотографии этой доски, находящейся сегодня в руинированном здании, были предоставлены нам жительницей Самары Н.Л. Клячкиной.

В.П. Ган. Самара, 1901. (Надпись на фото: «Не забывай меня, Женя! Мама. Самара, 7-е сентября 1901»). СЛМ. КП-17199. Публикуется впервые

По окончании училища Е.Ю. Ган поступил в Харьковский Технологический институт, из которого позже перевелся в Московское Императорское Техническое Училище, где учился до декабря 1913 г. Выпустившись из училища, поступил на службу на завод Эльворти в Елизаветграде, в 1917-м перешел на службу на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, работал на заводе, в строительных организациях Самары, в краевой проектной конторе, совмещая практическую деятельность с преподавательской работой в техникумах и профессиональных технических училищах. С начала 1930-х годов Е.Ю. Ган полностью посвятил себя педагогической и научной работе в Механическом институте (позже — Индустриальный институт), где читал лекции по теоретической механике, заведовал кафедрой, а с 1938 г. работал доцентом на кафедре теплотехники и гидравлики¹⁰. В июне 1941 г. в диссертационном Совете Ленинградского индустриального института им была защищена диссертация на со-

¹⁰ См. воспоминания о нем и о его педагогической деятельности в книге Н.И. Панова [4, с. 65–66]. Несколько свидетельств легендарного характера о педагоге Е.Ю. Гане приводятся также в издании «Легенды и были Самарского политеха», где говорится, например, о том, что «современникам этот человек запомнился весьма экстравагантной манерой вести занятия»: «Входя в аудиторию, он тотчас поворачивался к доске и начинал писать формулы, не произнося при этом ни слова. Однажды ошарашенные подобным обращением студенты закричали: “Звуку, звуку... звуку, сапожники” (Так обычно обращались к киномеханику зрители кинотеатров при обрыве пленки во время киносеанса). Ган и ухом не повел. Конспекты он носил в противогазной сумке, перекинутой через плечо, которую не снимал даже на лекциях. Там же всегда лежали бутылка молока и бутерброды на обед» [3, с. 22].

искание ученой степени кандидата технических наук, в 1946 г. он был утвержден в звании доцента. В октябре 1956 г. Е.Ю. Ган оставил работу в институте и вышел на заслуженный отдых.

О личной жизни мемуариста известно немного, но тем не менее — кое-что известно. Женившись в 1920 г. на Анастасии Степановне Иванчиковой, он стал отцом двух детей — дочери и сына. О первой из них, Вере, известно, что она родилась в 1921 г., в 1941-м окончила немецкий факультет Куйбышевского института иностранных языков, впоследствии училась в плановом институте и работала на заводе; вышла замуж за куйбышевца по фамилии Жаров. Сын мемуариста, Владимир, родился в 1924 г., учился в школе № 82, участвовал в Великой Отечественной войне и погиб в июле 1943 г. во время Орловского наступления.

Теперь скажем несколько слов о публикуемых ниже записках Е.Ю. Гана, посвященных А.Н. Толстому «на фоне старой Самары». Видимо, работа над этими записками началась немедленно после кончины А.Н. Толстого в 1945 г. и продолжалась около двух лет — до 1947-го. Во всяком случае, именно эта дата вместе с подписью автора записок стоит под авторизованной им машинописью, переданной автору этих строк родственниками мемуариста несколько лет назад. Записывая воспоминания о своей юности, Алексее Толстом, Самаре и самарцах, мемуарист стремился насколько можно точнее зафиксировать факты, оценить их и передать потомкам, которые, как он считал, сами разберутся и сделают выводы о том, что в этих воспоминаниях является правдой, а что — только предположениями и домыслами мемуариста. Как следует из некоторых, известных нам источников¹¹, Е.Ю. Ган не скрывал факта своей работы над мемуарами, хотя и не торопился придавать их огласке, полагаясь на время, которое неизбежно решит, прав ли он был в своих оценках или, может быть, ошибался и выдавал желаемое за реальное, как это свойственно многим мемуаристам.

Помимо записок об А.Н. Толстом примерно в это же время Е.Ю. Ган написал еще один мемуарный текст — «Родные и близкие»,

¹¹ Речь идет, например, о сестре однокашника Е.Ю. Гана и А.Н. Толстого Александра Прохорова М.В. Прохоровой (в браке Неуструевой), воспоминания которой об А.Н. Толстом были опубликованы нами в журнале «Литературный факт» в 2024 году: [5; 6]. Познакомившись с воспоминаниями Е.Ю. Гана, М.В. Неуструева сообщила обратившимся к ней сотрудникам Куйбышевского Музея А.М. Горького, что эти воспоминания возмутили ее и даже поссорили с их автором: «На протяжении многих лет я и Е.Ю. Ган знали одних и тех же людей, а при описании их так разошлись, что даже поссорились. Особенно меня возмутило его поголовное оплевывание преподавателей реального училища (эти же преподаватели работали и в нашей 1-ой женской гимназии <...> Все, что рассказывает и пишет Е.Ю. Ган, — дело его ума и совести» (Письмо М.В. Неуструевой в Музей А.М. Горького. СЛМ. КП-14991).

в котором описал переезд своей семьи в Самару, жизнь в доме дяди, А.П. Любимова, и тех одноклассников и друзей детства, которым не нашлось достаточно места в воспоминаниях об А.Н. Толстом.

В 1959 г. посетившие Куйбышев Л.И. Толстая и Ю.А. Крестинский встретились с проживавшим в «пос. Масленникова» Е.Ю. Ганом и побеседовали с ним. Судя по сохранившейся в архиве Самарского литературного музея записи этой беседы, Е.Ю. Ган, в основном, придерживался написанного им мемуарного текста, упомянув о том, что, обучаясь вместе с Толстым в училище, он бывал у последнего вначале на Почтовой¹², а потом — на Саратовской улице¹³. Учась в реальном, Толстой дружил и теснее всего общался с Александром Прохоровым¹⁴ и Александром Чумаковым¹⁵, а сам Ган — с Владимиром Мирбахом¹⁶ и Владиславом Пыровичем¹⁷. Бывая в доме Толстого на Саратовской улице, Ган не однажды становился слушателем лекций по логике, которые читал реалистам отчим¹⁸ будущего писателя, а позже он участвовал в разборе библиотеки редких книг екатерининского времени, хранившейся в доме Бострома на углу Симбирской и Сокольничьей улиц¹⁹. По его воспоминаниям, эта библиотека погибла в 1918–1923 гг., а бывшей теще Толстого, А.Л. Рожанской²⁰, удалось спасти из нее только одну книгу — «Коммунистический манифест». Участвовал Ган и в поездках Толстого и других его товарищей в больницу для душевнобольных в Томашевом Колке,

¹² В доме Ароновой на Почтовой улице А. Толстой с матерью жили в 1899–1900 гг. после пожара в доме на Николаевской улице, где они снимали свою первую самарскую квартиру, и до переезда на Саратовскую в усадьбу, купленную А.А. Бостромом в 1899 г.

¹³ В усадьбе, купленной отчимом А. Толстого в самом конце 1899 г., семья будущего писателя поселилась осенью 1900 г.; А.Н. Толстой жил в родительском доме вплоть до окончания реального училища весной 1901 г.

¹⁴ Прохоров Александр Васильевич «представлял собой тип классного Печорина» (Е.Ю. Ган), по окончании училища поступил в Томский Технологический институт, откуда перевелся в Петровско-Разумовскую академию, женился на двоюродной сестре Е.Ю. Гана Вере Любимовой.

¹⁵ Чумаков Александр Николаевич был сонным инженер-механика, заведующего городским водопроводом; по окончании училища в Самаре поступил в Московское Императорское техническое училище. В 1912 г. уехал в Данию.

¹⁶ Мирбах Владимир Николаевич — сын коллежского секретаря, судебного пристава Н.П. Мирбаха, ушел из 6 класса реального училища, учился в Московском училище ваяния и зодчества, но не окончил курса.

¹⁷ Пырович Владислав — сын делопроизводителя службы пути и зданий управления Самаро-Златоустовской железной дороги И.С. Пыровича, после окончания Самарского реального училища учился в Московском инженерном училище.

¹⁸ Отчим А. Толстого А.А. Бостром (1852–1921) был земцем и общественным деятелем, принимал активное участие в писательских делах гражданской жены, А.Л. Толстой, и в воспитании пасынка.

¹⁹ Дом на углу Симбирской и Сокольничьей улиц был приобретен А.А. Бостромом в самом начале 1900-х гг. и принадлежал ему до середины 1910-х, использовался как доходный; в 1906–1908 гг., после кончины А.Л. Толстой, А.А. Бостром проживал в этом доме, где познакомился со своей второй женой Е.А. Виноградовой.

²⁰ А.Л. Рожанская — теща А.Н. Толстого, мать его первой жены Ю.В. Рожанской.

где гимназисты и реалисты выступали со спектаклями перед пациентами больницы²¹; сам Ган в спектаклях участия не принимал, но ездил с товарищами в качестве зрителя. Учился Толстой, по словам Е.Ю. Гана, «средне»: «лишь однажды учитель-словесник Виноградов отметил образность в его сочинении, но за грамотность поставил ему 4».

Е.Ю. Гана не стало 26 апреля 1961 г., а два года спустя его вдова, А.С. Ган, практически одновременно обратилась в Куйбышевский музей А.М. Горького и в Отдел рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, отправив по двум адресам оставшиеся у нее в домашнем архиве машинописные копии воспоминаний мужа. Среди переданных нам родственниками Е.Ю. и А.С. Ган архивных материалов имеются как письма к последней из Куйбышевского музея, так и из Отдела рукописей ИМЛИ — с уточняющими вопросами и просьбами прислать рукопись мемуаров или их авторизованную машинопись. В 1982 г. сокращенный вариант воспоминаний Е.Ю. Гана увидел свет на страницах выпущенного в Куйбышеве сборника архивных материалов «Алексей Толстой и Самара» [1, с. 310–337]. Публикуемая ниже часть мемуаров Е.Ю. Гана в указанный сборник не вошла и печатается впервые.

В первой части воспоминаний, уже известной читателям, рассказывается о знакомстве мемуариста с юным А. Толстым, воспроизводится несколько эпизодов из истории обучения последнего в реальном училище, а также — подробно характеризуется обстановка, «окружавшая Толстого в его юности в последние годы 90-х» [1, с. 314]. Отдельное место в этой части воспоминаний посвящено товарищам Толстого — Чумакову и Прохорову, преподавателям Самарского реального училища и семье будущего писателя — его отчиму, А.А. Бострому, и матери — А.Л. Толстой²². Вторая часть воспоминаний, публикуемая ниже, — «послесамарская», когда общение двух школьных приятелей — мемуариста и А. Толстого — хоть и стало более редким и эпизодическим, но зато каждый из них начал превращаться в эти годы во взрослого самостоятельного человека со своими суждениями, оценками, взглядами на жизнь. Как нам представляется, этим и интересна эта часть воспоминаний Е.Ю. Гана, рисующая и А.Н. Толстого, и его поколение как людей, удивительным образом сочетавших в себе романтические порывы и надежду на бытовой комфорт и благополучие, поведение и нравы «буршей» и стремление к революционным переменам и переустрой-

²¹ См. об этом в воспоминаниях М.В. Неуструевой [5, с. 110–111].

²² А.Л. Толстая (1854–1906) — мать А.Н. Толстого, писательница.

ству политического строя. Нечастые встречи двух бывших однокашников не мешали им внимательно присматриваться друг к другу, искать и находить точки соприкосновения, анализировать поступки и реакции друг друга на те или иные вещи и события. Внимание к этим реакциям и способам найти себя и свое место в нестабильном мире делает мемуары Е.Ю. Гана не просто бытописательскими зарисовками, одним из героев которых был и А.Н. Толстой, но ценным документом формирования личности и становления характера молодого человека, еще только пробующего себя в роли художника слова, настоящее признание которого было еще впереди и нашло его в тот момент, когда общение двух школьных товарищей осталось в прошлом.

Остается сказать несколько слов об архиве семьи Ганов, частью которого некогда были и воспоминания однокашника А.Н. Толстого. После кончины Е.Ю. Гана и его супруги этот архив, по всей видимости, был разрознен и в таком виде распродавался их потомками коллекционерам. Так, Самарский литературный музей в начале 2000-х гг. приобрел ряд материалов у коллекционера Д.А. Федосеева, среди которых были открытки 1900–1930-х гг., адресованные членам семьи Ганов, а также — фотографии Е.Ю. Гана, его матери, сестры Софии, брата Владимира и другие. Позже, уже в 2010-е, автор этих строк читал лекции в одном из учебных заведений Самары, и одна из слушательниц рассказала, что она замужем за потомком Ганов, а ее свекор отдал им с мужем семейный архив, который она готова передать музею. Помимо открыток и фотоснимков разных поколений Ганов архив содержит ряд документов, имеющих отношение к отцу Е.Ю. Гана, а также — к сестре последнего С.Ю. Бобровой²³, урожденной Ган. Наконец, примерно в это же время мы познакомились с самарским коллекционером И.Г. Белкиным, позволившим нам переснять хранящиеся у него открытки из все того же семейного архива Ганов. Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что богатый архив семьи, в свое время собранный и сохраненный мемуаристом, разошелся по многим владельцам и сегодня медленно стекается в фонды музея, посвященного А.Н. Толстому.

²³ С.Ю. Боброва (1878 – после 1933; урожденная Ган) — сестра Е.Ю. Гана. В 1908 г. вышла замуж за надворного советника В.А. Боброва, а уже в следующем году ее муж, инспектор прогимназии г. Полангена Курляндской губернии, находясь в состоянии острого психоза, покончил жизнь самоубийством.

ФОТОДОКУМЕНТЫ СЕМЬИ ЕВГЕНИЯ ГАНА
(Личный архив М.А. Перепелкина. Публикуется впервые)

Евгений Ган. Тамбов, 1887

*Евгений Ган — ученик
Самарского реального училища,
1900*

*Будущая супруга Е. Гана
А.С. Иванчикова.
Самара, 1910-е*

Евгений Ган. Самара, 1910

*А.С. Ган с дочерью
Верой. Самара, 1924*

А.С. и Е.Ю. Ганы. Куйбышев, 10 апреля 1949

ПРИЛОЖЕНИЕ

Евгений Ган

МОЛОДОЙ А.Н. ТОЛСТОЙ НА ФОНЕ СТАРОЙ САМАРЫ

А.Н. Толстой — настолько крупный писатель, что большая важность по возможности полного восстановления его образа не подлежит сомнению. Понятен тот интерес, с которым как историки литературы, так и люди, просто любящие ее и интересующиеся ее историей, хватаются за мельчайшие даже штрихи в высказываниях современников любого крупного писателя.

Эти штрихи, часто случайные и отрывочные, таят в себе всегда возможность луча света, который, попав в какой-нибудь уголок, поможет восстановить истинные пропорции в многообразии черт характера и факторов развития данного писателя. Эти подробности надо заблаговременно поймать и зафиксировать, иначе они бесследно исчезнут. Особенно это требуется теперь. Указанное исчезновение данных о писателе происходит не только вследствие непрочности вообще памяти человеческой, но и от непрочности самих обладателей этих данных; современникам Толстого, особенно его ровесникам, приходилось переживать очень бурное время, происходила огромная трата нервной энергии, люди не могли оказаться долговечными. В результате вряд ли осталось на свете более трех-четырех человек,

которые помнят А.Н. Толстого в юности его. Исходя из всего этого, думаю, что не может не иметь ценности и то, что я могу вспомнить о Толстом.

Мои воспоминания о нем относятся к периоду 1898–1910 гг. В первый раз я увидел А.Н. Толстого пятнадцатилетним мальчиком. Последний раз видел его молодым, начинающим, но уже известным писателем <...>

Наконец настал долго и с нетерпением ожидаемый момент: кончились выпускные экзамены, мы стали свободными людьми. Мы можем носить тот костюм, который нам нравится, а не обязательно форму реалиста, можем ходить по улицам во всякое время; нам никто не может что-нибудь приказывать, никто не может оскорблять нас. Мы — взрослые люди.

Предстоит дальнейшее повышение в ранге — скоро мы будем студентами, а это представлялось нам верхом счастья. Наши старшие товарищи, кончившие курс раньше и появлявшиеся в Самаре в той или другой студенческой форме, с синими, малиновыми или зелеными кантами — в зависимости от того, поступили ли они в Технологический институт или Горный, в Институт гражданских инженеров или в Институт путей сообщения — возбуждали в нас повышенный почтительный интерес к себе и казались существами, находящимися в более блестящем положении, чем какой-нибудь генерал, министр и т. д.

Обязательным продолжением этих синих, малиновых и зеленых кантов и соответствующих наплечников с буквами Н, Е и А представлялось (по окончании Института) строительство «Наутилуса», воздушного корабля или чуда изобретательности на заводе. Но наряду с этим очарованием еще смутно представляемой технической деятельности импонировал престиж студента как борца за свободу; припоминалось все, что мы слышали о сходках, забастовках, борьбе с реакционным академическим начальством и т.п. Пока мечты о студенческом движении не связывались с представлением более широкого революционного движения; казалось тогда, что студент — единственный носитель общественного протеста.

Да, все это хорошо; но не так-то просто сделаться студентом — надо еще выдержать конкурсный экзамен, надо получить по пяти предметам (русское сочинение, физика, алгебра, геометрия и тригонометрия) сумму отметок не менее установленной в данном институте в данном году цифры. В тех институтах, куда был особенный наплыв абитуриентов, конкурс поднимался до 24–25 — это столичные институты (особенно Путьский и Горный); меньше

всего конкурс бывал в Томском технологическом институте и в Варшавском политехническом, в институтах Сельскохозяйственном и Лесном.

В 1901 году, когда мы кончали курс средне-учебного заведения, выбор институтов был такой: Петербург — Технологический, Путей сообщения, Горный, Электротехнический, Гражданских инженеров, Лесной; Москва — Императорское Техническое училище, Инженерное училище, Сельскохозяйственный институт, Межевой институт; Харьков — Технологический институт, Ветеринарный институт; Киев — Политехнический институт; Рига — Политехнический институт; Александрия — Сельскохозяйственный институт; Варшава — Политехнический институт; Томск — Технологический институт; Казань — Ветеринарный институт; Екатеринослав — Высшее Горное училище. Было еще Морское Инженерное Училище в Кронштадте, куда идти не было традиции. Университетов я не называю, так как реалистам туда доступа не было (или — только после сдачи латыни за весь курс гимназии); да и редко кто склонен был выбрать вместо технического высшего учебного заведения университет — карьера инженера считалась более блестящей, чем учителя гимназии, доктора и т. д.

Тут надо отметить, что наряду с романтикой, в отношении нашего поколения к высшей школе — о чем говорилось выше — имелись налицо и практические соображения. Наше поколение было уже не таково, как поколение, скажем, семидесятников. Там все строилось под знаком жертвы для народа — все личное при выборе жизненного пути изгонялось. В дальнейших же поколениях мечты о революции уживались и с планами блестящей инженерной карьеры. Среднему юноше, кончившему школу и представлявшему себя революционером или, по меньшей мере, студентом-радикалом, не приходило в голову, что это плохо мирится с инженерными служебными успехами.

Возвращаясь к положению с институтами, отмечу, что образовалась такая иерархия институтов по степени соблазнительности поступления в них: петербургские институты Путейский, Горный и Технологический (в Гражданский стремились только умеющие хорошо рисовать), далее Московское Императорское Техническое училище, Петербургский Электротехнический институт; еще далее Харьковский Технологический институт, Киевский Политехнический институт, потом Рижский Политехнический институт и, наконец, Томский, Варшавский институты и Екатеринославское Горное училище. За этими уже следовали Лесной и Сельскохозяйственный институты, а на последнем месте были Ветеринарные институты.

Петербургского Политехнического института и Новочеркасского еще не было. В Межевой институт почему-то тяги совсем не было.

При выборе института мы разошлись с А. Толстым: я, следуя семейной традиции, выбрал Харьков¹, Толстой же решил поступить в Петербургский Технологический институт. Таким образом, мы стали в дальнейшем встречаться только во время каникул, зимних и летних, приезжая в Самару.

Итак, Алеша Толстой решил ехать в Петербург, то есть подвергнуться особенному риску пролететь на конкурсном экзамене. Но тут было средство действовать почти наверняка. Дело в том, что существовали тогда особые дрессировщики для держащих конкурсные экзамены: некоторые профессора брали на себя подготовку, — абитуриенты на все лето получали квартиру и стол у подготовщика (обычно на даче) и все лето занимались с ним, знакомясь со всевозможными каверзными вопросами, которые предлагались на конкурсе со специальной целью ошеломить экзаменующегося и срезать его.

Это стоило довольно дорого, но зато шансов попасть в институт было много. Этих шансов было значительно меньше, если абитуриент, не имея средств на подготовщика, довольствовался тем, что дополнял свои знания основательным знакомством с появившимися тогда в продаже задачками, содержащими упомянутые каверзные вопросы (например, задачник Шмудевича). А. Толстой поехал на лето к одному из «подготовщиков» (к профессору Войтинскому²) — и успешно в августе выдержал экзамен в Технологический институт <...>

Из встреч с Толстым в течение этих каникул мне припоминается одна — на студенческом вечере в Коммерческом клубе. Всегда устраивалось два благотворительных (в пользу «недостаточных» студентов) бала: университетский и студентов-специалистов. Особенно блестящим бывал второй. Более светские и франтоватые студенты развозили билеты «тузам» города и их женам и сбывали их по ценам, значительно превышавшим номинальные, ибо каждый «туз» или его супруга были весьма польщены вниманием к ним со стороны молодежи, да еще иной раз в лице очень интересного кавалера, и старались блеснуть щедростью. При появлении на вечере какой-нибудь важной дамы, вроде губернаторши, студенты-распорядители вечера торжественно и с очаровательной любезностью подводили ее под ручку к соответствующему креслу в зале. Популярность вечеров таким образом укреплялась среди городского бомонда, и стараниями студентов-франтов доходы с вечера для бедных студентов увеличивались.

Вечера происходили в Коммерческом клубе, занимавшем все четыре этажа дома на Дворянской улице (теперь Куйбышевская) — этот дом между банком и Некрасовской улицей. Танцы происходили в самом верхнем этаже, где имелся зал с хорами. Этажи соединяются чугунной широкой лестницей. Этажом ниже помещался буфет клуба и бильярдная, так что внимание студентов во время вечера разделялось равномерно между обоими этажами.

Тут мне припоминается выходка А. Толстого в духе прежних его выходок, огорошивавших учителей реального училища во время уроков.

Мы стояли на площадке между верхним и следующим книзу этажом, около зеркала. Вся запоздавшая публика, направлявшаяся в танцевальный и концертный зал, проходила мимо нас. Кроме Толстого и меня в группе находилось еще два-три студента. Так вот, мы узрели поднимавшегося к нам напыщенного вида господина с торчавшими свирепо в стороны рыжими усами, франтовски-одетого, державшего в руке дворянскую фуражку с красным околышем — очевидный образчик «зубра», как тогда называли их, то есть дворянина, вмещавшего в себя всю надутость, все предрассудки и презрение к низшим сословиям, отличавшие наиболее ограниченных и реакционных представителей помещицкой части дворянства. Это очевидно подчеркивалось и наличием фуражки с красным околышем.

Снизойдя к нам и, конечно, рассчитывая на крайнюю услужливость с нашей стороны, господин, поравнявшись с нами, обратился к нам в весьма небрежном тоне, с особыми «дворянскими» интонациями: «Где тут концертный зал?». Леша Толстой сейчас же с готовностью ответил: «А вот лупите по лестнице наверх!». Контраст величественности господина с этим «лупите» был настолько велик и неожидан, что мы не выдержали и фыркнули, а олимпиец сначала остолбенел, потом хотел как-нибудь поразить нас своими громами, но потом раздумал, ограничился уничтожающим взглядом и, круто повернувшись, с негодованием на лице отправился наверх.

После этого вечера я мало видел Толстого во время каникул. Встретились мы опять уже летом 1902 года, когда, перейдя на второй курс, снова приехали в Самару. Летом А. Толстой иногда заезжал ко мне верхом (он жил, кажется, на даче) на Садовую улицу, где я жил с матерью и сестрой³.

Один раз он зашел ко мне и предложил помочь ему в разборке библиотеки, доставшейся ему как-то по наследству. Я как большой библиофил с удовольствием согласился. Алеша повел меня за полтора квартала от моего жилища в деревянный дом с мезонином на углу

теперешних улиц Ульяновской и Ворошиловской. Дом оказался как-то принадлежащим не то самому ему, не то его отчиму. Об этом я раньше не знал.

В этом пустом тогда доме мы нашли ряд шкапов с книгами и принялись за разборку их. Книги были больше старинные. Попадались совсем древние книги в желтых кожаных переплетах, на серой корявой бумаге екатерининской эпохи. Между прочим, мы нашли такую книгу — «Неонила, или Распутная дочь», и много смеялись, читая выдержки из нее, написанные курьезным для человека нашего времени языком, напоминавшим знаменитые рассказы Пруtkова-отца. Об этой книге Толстой вспомнил, когда писал один из своих рассказов из цикла «Под старыми липами» — «Петушок (Неделя в Туренеve)»; читая этот рассказ я с удовольствием наткнулся опять на «Неонилу».

Встречались мы с Толстым еще на даче родителей нашего общего приятеля Прохорова, где собиралась иногда большая компания товарищей двух братьев Прохоровых — одного — нашего одноклассника и другого — студента Московского Технического Училища. Думаю, что не могли не войти как элемент в ощущение Толстого от природы, отразившиеся в его произведениях, не могло не отразиться в его, так сказать, природоощущении, то, что давал этот уголок окрестностей Самары⁴. Тут я имею в виду не самую дачу (с большим фруктовым садом), сколько поле, спускавшееся от дачи к линии железной дороги и далее к Самарке, саму Самарку (в этом месте теперь Толево-рубевидный завод) и заливные луга у реки, поросшие всякими приводными деревьями и кустарником — с той и другой стороны ее. Тут пейзаж был чисто левитановский: абсолютное безлюдье, тишина, нарушаемая только обычными ночными звуками, треском кузнечиков и кваканьем лягушек у реки и на озерах, повсюду разбросанных, покой и везде разлитая грусть.

Перехожу к лету 1903 года. Тогда Толстой был уже женат на <...> Ю.В. Рожанской и жил с женой в квартире тестя на теперешней улице Фрунзе (шестой дом от Некрасовской по направлению к улице Льва Толстого, справа). Я был у него в этой квартире один раз. Семья, жившая в этой квартире, состояла из отца жены Толстого — доктора В.М. Рожанского, двух сыновей (старшего — с женой) — студента Рижского Политехнического института, уже близкого к окончанию курса и державшего себя, как полагалось блестящему инженеру «хорошего общества», и другого, младшего, — начинающего студента университета, также довольно франтоватого, — ну еще, значит, — из Толстого и его жены. Толстой в роли семейного человека в общем оставался тут еще прежним Лешей реалистических времен, конечно

только возмужавшим. Своего первого сына, который в этот мой визит к Толстому был еще на руках матери, он представил мне таким образом: «Вот, смотри, какой кукиш!».

В эту встречу мою с Толстым ни о чем интересном поговорить с ним не пришлось, ибо обстановка этому не благоприятствовала; тон общества, особенно четы молодых Рожанских, мужа и жены, мне показался несколько чопорным и безлично-светским. Пожалуй, несколько чувствовалось и влияние этой атмосферы и на манере держать себя в этом обществе Алеши Толстого, только иногда прорывавшийся в стороны обычной Лешиной простоты.

За время этого лета я припоминаю <...> нашу поездку по железной дороге (Толстой, я и братья Рожанские) для осмотра железнодорожного мостика, тогда ремонтировавшегося, где-то за станцией Липяги. Не помню, почему этот мостик заинтересовал нас; повод к этому, правда, был, потому что старший Рожанский учился на инженерном отделении, т.е. имел касательство к мостам, а я был тогда на практике на постройке устоев железнодорожного моста через Самарку (вторая колея, которой раньше не было). Тут припоминается только тонко воспитанный обер-кондуктор, который, встретив нас на площадке вагона, спросил было наши билеты, но, посмотрев на наши сияющие наплечники и сообразив, что тут не без касательства к начальству железной дороги, настоящему или будущему, тут же извинился «за нескромный вопрос».

О промежутке времени между 1903 и 1905 годами у меня сохранилось мало воспоминаний, связанных с Толстым. <Поэтому> перехожу к 1905–1906 гг.

В конце 1904 года я был в Харькове студентом Технологического института, 3-го курса. Приближалась первая русская революция 1905–1906 гг. С начала учебного года, с сентября 1904 года, в Харьковских высших учебных заведениях начались студенческие волнения. К этому времени относятся мои воспоминания о бурных студенческих сходках в институте, о забастовке, о вводе в институт высшими губернскими властями полиции (под предводительством вице-губернатора Азанчевского), что было воспринято студентами, да и всем прогрессивным харьковским обществом, как возмутительное нарушение традиционно академической автономии. В памяти осталось три эпизода из моей харьковской жизни в эти месяцы.

Первое — разгром революционной толпой оружейного магазина на площади, в которую вливалась главная харьковская улица — Сумская (на этой площади бросалось в глаза здание Северного банка, сквер посередине, напротив — Дворянское собрание). Я также

оказался в магазине, куда вливались все новые группы с улицы, и, захватив револьверы, уходили. Было, помнится, и у меня поползновение вооружиться на пользу революции, но сделать этого я не успел. С площади раздались крики: «Казачи!». Выбежав из магазина, я увидел выезжавших на площадь конных казаков с изготовленными винтовками. Пришлось развить большую скорость и скорее завернуть в ближайший переулок.

Казачи тут стреляли в толпу, было много убитых и раненых. В связи с этим эпизодом находился другой: похороны жертв расстрела. Длиннейший ряд гробов, несомых студентами и рабочими, далее огромная толпа, медленно следовавшая за гробами с торжественным пением «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и т. д.

Между двумя описанными событиями вклинивается третье: полуторасуточное сиденье наше (студенты, рабочие, ученики старших классов гимназий и реального училища, разного рода другая публика — большей частью из молодежи) за баррикадами. После разгрома оружейных магазинов большая масса людей собралась в находящемся поблизости университете. Был устроен митинг. Вскоре после начала его поднялась тревога — было получено известие, что приближаются войска и становятся по ближайшим улицам и площадям — главным образом на Павловской площади, в которую вливается Университетская улица.

Бросились строить баррикады, так как было решено не расходиться и защищаться от воинской силы оружием, которого, по мнению вожakov наших, было достаточно. Баррикады были построены по две на всех подходах к университету, с промежутком между ними метров в семь.

Время уже приближалось к вечеру. Мы были окружены со всех сторон войсками и ждали с тревогой начала приступа. Но пришлось прождать всю ночь и первую половину следующего дня — никаких наступательных действий не начиналось. Помню, что пришлось на ночь устроиться на университетских столах — конечно, без особенного комфорта, что не мешало все-таки проспять большую часть ночи.

На другой день начались переговоры двух враждебных сторон. Генерал, командовавший войсками, оказался нерешительным — он боялся ответственности за кровопролитие, имея дело с врагом, который оказался воинствующим в силу необычных обстоятельств и сводился, главным образом, к учащейся молодежи. В конце концов генерал согласился выпустить нас из-за баррикад и позволить в полной неприкосновенности разойтись во все стороны — даже с оружием на руках.

Помню жуткое чувство, когда приходилось перед лицом выстроившихся на Павловской площади войск перелезать через баррикады и тем отдавать себя в полную власть им. Но условие войсками было выполнено свято, и вся масса людей, сидевших за баррикадами, в целости разошлась по домам. Кажется, генералу не прошло даром его миролюбие или нерешительность — его сместили.

Вся эта история говорит достаточно о растерянности властей в это время: то стреляют, то пасуют перед Смит-и-Виссонами толпы мальчиков или допускают демонстративные похороны.

После харьковских событий конца 1904 года⁵ я уехал домой в Самару, и больше в Харьков вернуться уже мне не пришлось. Революционное движение нарастало и к лету 1905 года сказалось в Самаре уже с полной силой. Начались митинги общенародного и ярко-революционного характера. Либеральная интеллигенция устраивала банкеты, куда являлась иногда к большому неудовольствию устроителей революционно-настроенная молодежь. Помню один такой банкет в «канцелярке». Группа молодежи, большую частью студенты, почти насильно проникла в залу, где говорились либеральные речи, и резко нарушила гармонию, бывшую до того. Молодежь вела себя при этом чересчур уж упрощенно, грубо, и большинство собравшихся более зрелых людей было этим весьма недовольно, но влияние крайних элементов движения была настолько уж сильна, что, несмотря на это, большинство обрушилось с негодованием на одного из ораторов, предложившего некий иронический тост за молодежь, явившуюся здесь непрошенными гостями: виновного вытолкали на улицу.

Особенно вспоминается мне расцвет издательства революционных брошюр. Книжные магазины наводнялись множеством тоненьких книжек, которые раскупались нарасхват. Среди этих книжек были и «Коммунистический манифест», и «Эрфуртская программа», и ряд других в первый раз появившихся переводов отдельных небольших работ Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Меринга, Лафарга, Вандервельде и других или извлечений из более крупных работ Маркса и Энгельса. Появился тогда в продаже «Анти-Дюринг». Один из новооткрывшихся магазинов — на улице Льва Толстого — торговал почти исключительно этой новой литературой: потом оказалось, что хозяева магазина были агентами тайной полиции.

Митинги происходили в Пушкинском Народном доме (на углу улиц Льва Толстого Москательной и теперешней улицы Ворошилова, тогда Шихобаловской). Самодержавие и сама личность царя громились открыто, всенародно и чрезвычайно резко. Особенно

часто выступавшим оратором был Петр Кузьмин, бывший ученик реального училища, класса на три моложе меня, сделавшийся видным партийцем социал-демократом, другой — социал-демократ Ильин, питомец самарской гимназии, командир боевых дружин; были ораторы эсеры, но я не помню их имен. Приходилось быть и на митингах у рабочих железной дороги, где выступал Вилонов, бывший рабочий железнодорожных мастерских.

Всем известно было и центральное местное руководство революционными силами — главным образом Арцыбушев, который, как это ни странно, мог занимать видную должность правителя дел начальника Самаро-Златоустовской железной дороги. Пришлось мне познакомиться и с сыном Арцыбушева, молодым парнем, которому некоторые товарищи, учившиеся в Дрездене, передавали для распространения экземпляры «Искры» (на папиросной бумаге), привезенные ими с большим риском из-за границы. Кроме местных революционеров в это время были и приезжие. Помню, например, двух грузин социал-демократов. Об одном из них, Капанадзе (если это не был однофамилец его), я несколько лет назад читал в газетах, что он написал свои воспоминания о революционном движении в Грузии и о своем пребывании в семинарии, где он учился вместе с И.В. Сталиным.

Из местных революционеров помню, в частности, «Разума», специализировавшегося на пропаганде социал-демократических идей в деревне; также — часто выступавшего на массовках за городом эсера Ивана Николаевича, меньшевичку Циву, социал-демократа зубного врача Гаухмана и прочих. Местом встречи революционеров по вечерам был Струковский сад — теперь городской парк, спускающийся от Куйбышевской улицы к Волге: именно излюбленным местом была аллея, крайняя к Волге в ее конце, в сторону Жигулевского завода. Поскольку это было известно полиции, иногда туда делали набеги казаки: приходилось спасаться от их нагаек и возможного ареста.

К этому времени (лето 1905 года) относится создание дружин из революционно-настроенной молодежи всякого рода: была земская дружина, состоявшая из служащих Земской Управы, главным образом — статистиков (это был наиболее левый отдел в Управе), была студенческая дружина и другие. Целью создания дружин было выступление против черной сотни в случае попытки ее устроить еврейский погром, чего опасались, охрана на митингах и т.п. Вооружение состояло из револьверов, кинжалов и ножей и огромнейших, тяжелейших и весьма безобразных палок.

Помню, что и я обзавелся такой палкой и лстыл себя надеждой, что имею весьма внушительный и внушающий уважение вид (осо-

бенно девицам). Но этот вид оружия меня все-таки не удовлетворял, и я решил обзавестись револьвером. Они продавались главным образом в магазине Неймана на Дворянской (а ныне — Куйбышевской) улице, рядом с Гранд-Отелем. Будучи неопытен в выборе огнестрельного оружия, я решил привлечь к делу как эксперта Толстого: он был охотником, возился с ружьями, и значит — понимал толк и в револьверах. Мы с ним отправились к Нейману и с его благословения я купил шестизарядный Смит-и-Виссон. К сожалению, потом оказалось, что револьвер чаще давал осечку, чем стрелял.

Толстой на предмет возможного участия в вооруженной борьбе вместе с Чумаковым (тоже охотник, более заядлый) упражнялся в стрельбе из ружья на берегу Волги, за водопроводом, где жил Чумаков.

Кончилось дело с моим револьвером печально: пришлось его бросить в уборную Пушкинского народного дома в роковую ночь осады этого дома. Перехожу к этому событию.

Вечером, в декабре, происходил в народном доме, как обычно, митинг. Для охраны были отправлены туда, в частности, земская и студенческая дружины; в последней, вооруженный своим Смит-и-Виссоном, а также револьвером, полученным от охраны, находился и я. Нас поставили на хорах зала. Митинг продолжался уже довольно долго; как вдруг мы сверху заметили что-то неладное: публика внизу забежала назад и вперед, заметалась, раздались крики испуга (в зале было много женщин и даже детей). Оказалось, что Народный дом окружен войсками (пехота, а за ней были расставлены конные казаки). Дело становилось серьезным. Надо заметить, что солдаты были еще мало распропагандированы, даже, в большинстве, были враждебно настроены против революционеров. Было ясно, что в случае столкновения должно было пролиться много крови. Силы же были крайне неравные. Кто-то, оказавшийся у нас командующим, расставил нас (дружины) в узком коридоре, идущим от входа с улицы к залу, вдоль стен, друг против друга; очевидно, если бы солдаты вломились в коридор, наши Смиты-и-Виссоны оказались бы наиболее губительными для нас самих. Несомненно, что вооруженное сопротивление, имевшееся сначала в виду, было абсолютно безнадежно и привело бы к большим жертвам.

Тут произошло одно обстоятельство, которое могло сделать всякий мирный исход невозможным и привести к крайне тяжелым последствиям. Кто-то с крыши здания бросил в войска, окружавшие дом, бомбу; но она, к счастью, не разорвалась. Наши командиры, учитывая очевидное неравенство сил, вступили в переговоры с полковником, командовавшим войсками.

Тем временем о положении с народным домом стало известно по всему городу. Лидеры самарских либералов, в частности, известный А.К. Клафтон, секретарь Губернской Земской Управы (бывший социал-демократ времен пребывания В.И. Ленина в Самаре) бросились к губернатору с настоянием принять меры к недопущению кровопролития. Эти хлопоты возымели успех. Губернатор вошел в сношения с военными властями, в результате чего было решено, что осажденных выпустят по домам, если они сдадут оружие и мирно разойдутся. Но поскольку было очевидно, что каждый, кто стал бы сдавать оружие, оказался бы выделенным из массы, не имевшей оружия, и вряд ли мог рассчитывать, несмотря на все условия мира, избежать ареста, мы постарались отдаться на милость врага не обремененными каким-нибудь оружием. Пришлось побросать все, что имелось у нас смертоубийственного, в уборную Народного Дома.

При выходе на улицу нас обыскивали и действительно предоставили <возможность> идти направо или налево — за цепью солдат. Те, кто пошел налево, натолкнулись на казаков, которые многих избили нагайками. Через час улицы в окрестностях Народного Дома представляли пустыню. На другой день уже и помину не было о каких-нибудь митингах. Все революционное оживление сразу кончилось. По улицам разъезжали казаки, прохожие боязливо жались к стенам. Так окончился революционный период в Самаре⁶

С казаками мне потом пришлось встретиться еще раз. В описываемое время к нам приехал из Томска мой старший брат, преподаватель Томского технологического института. Он в Томске был свидетелем аналогичной, с описанной сейчас, истории, только кончившейся хуже. Как известно, в Томске черносотенники подожгли здание Управления железной дороги (причем сгорели и люди), где происходил митинг, и зверски избили многих. С целью отдохнуть от пережитого, попасть в другую обстановку и поправить свои потрепанные нервы брат приехал в Самару. Через несколько дней после его приезда мы с ним отправились побеседовать за кружкой пива в известную тогда «биргалку» (от Bierhalle) Жигулевского завода, помещавшуюся на Красноармейской улице (тогда — Алексеевской) против Дома Промышленности.

Засидевшись до часу ночи, мы потом возвращались по Красноармейской улице мимо Соборного садика — наискось от теперешнего здания почты. Улицы были абсолютно пустынные, все огни в домах потушены. Вдруг послышался топот лошадей и на нас налетел отряд казаков с поднятыми шашками; кажется, среди казаков были пьяные. Подскакав к нам и увидев мою форменную студенческую фуражку с синими кантами, передний казак закричал «А, студент!»

и замахнулся пашкой. Дело было плохо — у казаков студенты были особенно не в почете. Пришлось молниеносно прибегнуть к военной хитрости и закричать: «Какой там студент! Я телеграфист!» (у телеграфистов тоже были фуражки с синими кантами). Это меня спасло: казак хватил меня по фуражке пашкой плашмя, фуражка отлетела за забор сада, мы в спешном порядке устремились домой, куда и прибыли благополучно, хотя и без фуражки). Надо заметить, что это происшествие мало способствовало успокоению нервов брата.

Далее Толстой припоминается в связи с происходившей летом предвыборной борьбой крайних и умеренных элементов Самары — предстояли выборы в Государственную Думу.

Происходило много всякого рода собраний, где выступали эсдеки, эсеры, кадеты (то есть члены конституционно-демократической партии) с докладами о наиболее, по их мнению, совершенной избирательной системе. Одно из таких собраний происходило в квартире отчима Толстого — А.А. Бострома (улица Фрунзе, около костела), который, кажется, не прочь был выступить в роли видного прогрессивного деятеля города Самары⁷. Позиции его я точно не представляю — кажется, имелось тяготение к кадетам, то есть к умеренной, по сравнению с эсдеками и эсерами партии, но существовало и стремление сохранить хорошие отношения с членами крайних партий.

Ни Толстой, ни Бостром на собрании не выступали, являясь просто хозяевами квартиры и слушателями.

Собрание вначале шло спокойно. Один из руководителей — не помню, «Самарской газеты» или «Самарского вестника», видный и весьма образованный кадет Васильев, прочитал целую лекцию о правовом государстве. Лекция была блестящей по форме, очень содержательной, и прочитана была в манере французских ораторов — Васильев долго жил в Париже. После выступали оппоненты со стороны эсдеков и, надо заметить, — неудачно. Почему-то не нашли нужным противопоставить Васильеву ораторов должных достоинств — выступали люди, по-видимому, совершенно лишенные эрудиции, плохо говорившие и старавшиеся возместить свои изъязны грубостью и крикливостью. Несмотря на это, в конечном счете успех остался на стороне эсдеков — публика в большинстве твердо стояла на стороне крайних демократических избирательных принципов и не интересовалась теми тонкими аргументами философского характера, которыми подкреплял свою агитацию за кадетскую программу Васильев.

После этого собрания я надолго расстался с Толстым. Высшие учебные заведения были закрыты, и, чтобы не терять времени, Тол-

стой отправился за границу и поступил слушателем в Дрезденский Политехнический институт. По-видимому, связи его с первой женой, Рожанской, были уже нарушены; в Дрездене, кажется, он был уже человеком, свободным от семейных уз, — на холостом положении.

От других моих товарищей, бывших тоже в Дрездене одновременно с Толстым, я потом, уже в Москве, слышал рассказы о нем. Это были рассказы «буршеского» характера. По-видимому, тогда толстой вернулся к своей юношеской беззаботности и к склонности к «шалостям». Рассказывали мне о такого рода выходках Алеши.

С какими-то приятелями из студентов он водрузил на ручную тележку бочонок с пивом и путешествовал с ним по улицам Дрездена, останавливаясь перед домами, где жили русские студенты. Компания «высвистывала» их с улицы из их квартир, иногда с верхних этажей дома; вышедшего на призыв на улицу земляка заставляли осушать кружку пива и присоединяться к компании. Добровольным развозчиком пива приходилось чуть не в каждом квартале платить штраф шутцману за нарушение уличного порядка, но это их не смущало.

Но интересы Толстого в это время, по-видимому, не сводились к шалостям указанного рода. Наоборот, кажется, его революционность к этому времени приняла более действенный характер, чем раньше. Один из русских студентов, учившийся тогда в Дрездене, сообщил мне, что Толстой чуть не привел в исполнение свое намерение ехать на Урал, чтобы работать там в подпольной социал-демократической организации (почему именно на Урал — неизвестно).

После открытия занятий в русских высших учебных заведениях Толстой вернулся в Россию.

Перехожу к последним нашим свиданиям с Толстым уже в 1910 году⁸.

Я тогда учился в Москве — в Императорском Техническом Училище, куда перевелся из Харьковского Технологического института в 1907 году. В феврале 1910 года у меня нашлась работа в Петербурге. В одном из зданий на Забалканском проспекте, рядом с Технологическим институтом, производились испытания двигателей внутреннего сгорания под руководством директора института профессора Д.С. Зернова и профессора Политехнического института Лебедева. К работе были привлечены студенты старших курсов Петербургского Технологического института, и среди них оказался и я, московский студент.

Обедал я в столовой Технологического института. Один раз, придя в столовую, я увидел сидящего у столика за стаканом чая студента в кожаной куртке и в высоких сапогах. Это был А. Толстой. Мы перед

этим долго не виделись, потеряли друг друга из вида и были рады встрече. Говорили мы с Толстым больше о наших учебных делах; оба мы к тому времени засиделись в студентах. Толстой собирался начать свой дипломный проект, но, как оказалось, так и не удосужился это сделать, увлеченный писательством. Расставаясь со мной, Толстой пригласил меня вечером к себе. Он жил тогда на Забалканском проспекте, около Сенной площади, с большим многоэтажным доме, в 3-м или 4-м этаже. В это время Толстой был уже известным писателем, пользовался успехом у молодежи, выступал на всякого рода благотворительных вечерах⁹. Это был период его близости с заправилами и сотрудниками эстетского журнала «Аполлон»¹⁰.

В тот вечер, когда я получил приглашение от Толстого, должна была состояться у него домашняя вечеринка. Когда я пришел, никого из гостей еще не было. Толстой познакомил меня со своей второй женой, встреча с которой произошла у него в Дрездене. Потом я слышал от прежних дрезденских студентов, что в Дрездене учился тогда, на химическом отделении, и брат ее — они были петербуржцами.

Жена Толстого, еврейка, была художница, но не профессиональная. При нашей встрече на руках у нее был грудной ребенок — результат второго брака Толстого. Между прочим, спустя 35 лет после описываемой эпохи мне пришлось услышать снова об этой дочери Толстого, которую я видел грудным ребенком; оказалось, что она здравствует и живет в Москве. Такова уже моя судьба — знакомиться с потомством Толстого в «грудном» их состоянии.

Возвращаясь к вечеринке. Тут припоминаются мне такие гости Толстого: профессор Е. Аничков, известный тогда литературовед, писатели Федор Сологуб и М. Кузмин (сильно порнографического направления), Мейерхольд и еще кто-то — уже не помню. Сологуб поразил меня своей далеко не поэтической наружностью — он напоминал уже не молодого и весьма серого учителя, даже не гимназии — он и был до эпохи своей славы учителем в каком-то ремесленном училище. М. Кузмин прочитал свои новые стихи «Привратница». Я совершенно не понял смысла этого произведения и был просвещен на этот счет только Толстым, который на ухо сообщил мне, что тут аллегория весьма неприличного свойства.

Были еще разговоры литературного характера — я их плохо помню. Был ужин с небольшой выпивкой — впрочем, достаточный для того, чтобы, вернувшись домой, на Пантелеймоновскую улицу в три часа ночи, я не без труда добрался до своей квартиры на третьем этаже.

После этого я Толстого не видел. Приехав в 1930-х годах в Ленинград, я собирался разыскать его, но оказалось, что он живет

в Царском Селе. Я было написал ему открытку с предложением встретиться в любом месте, где ему удобно — в Ленинграде или в Царском Селе, но ответа на открытку не мог получить, так как ранее предположенного срока уехал домой.

¹ В августе 1901 г. А.Л. Толстая сообщила об этом сыну в Петербург так: «Недавно встретила Гана-старшего <Владимира. — М.П.>, он сказал, что Женья уехал в Харьков, что конкурс там не так велик» (Самарский литературный музей. КП-5519/2).

² С.О. Войтинский (1857–1918) — математик, педагог, действительный статский советник.

³ Семья Ганов жила в Самаре по адресу: улица Садовая, дом Филиппович, № 189. На сегодняшний день этот дом утрачен.

⁴ Об этой даче и о поездках на нее А.Н. Толстого см.: [5, с. 104–106].

⁵ См. об этих событиях также: [2].

⁶ См. о революционных событиях 1905–1907 гг. также: [8].

⁷ См. об этом: [7].

⁸ Здесь Е.Ю. Ган, вероятно, ошибается: упоминаемая далее дочь А.Н. Толстого от второго брака, Марианна, родилась в августе 1911 г., — стало быть, описываемые события происходят, скорее всего, в конце 1911-го или в самом начале 1912 г., но никак не в 1910 г.

⁹ Об одном из таких вечеров см. в воспоминаниях М.В. Неуструевой: [6, с. 128–133].

¹⁰ Об этом периоде жизни и творчества А. Толстого см.: [10, с. 88–149].

Литература

1. А.Н. Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.

2. *Воскресенский А.А.* Революционная борьба рабочих Харьковского паровозостроительного завода (1895–1917 гг.). Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 238 с.

3. Легенды и были Самарского политеха / под ред. М.А. Еремина. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2019. 144 с.

4. *Панов Н.И.* Записки самарского ректора: о себе, об университете, об инженерах. М.: Русская книга, 2000. 180 с.

5. *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 1. Лёша и Маничка // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 90–122.

6. *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 2. Алексей Николаевич и Мария Васильевна // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 106–137.

7. *Перепелкин М.А., Семенов С.В.* «Бостромиада»: об одной полемике между А.А. Бостромом и Молотом (Э.И. Павчинским) // Самарский край в истории России. Материалы Девятой межрегиональной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: ПО «Стандарт», 2025. С. 268–273.

8. Попов Ф.Г. Хроника революционных событий в Самаре (1902–1917 гг.). Куйбышев: Куйбышевское изд-во, 1936. 319 с.

9. Семенов М.И. (Блан). Революционная Самара 80–90-х гг.: (воспоминания). Куйбышев: Куйбышевское изд-во, 1940. 86 с.

10. Толстая Е.Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 535 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

A Background for the Young Tolstoy. Alexey N. Tolstoy in the Memoirs of E.Yu. Gan

© 2026. Mikhail A. Perepelkin
Samara National Research University,
Samara, Russia

Abstract: This publication of excerpts from the memoirs of E.Yu. Gan (1883–1961) concludes a memoir essay, the first part of which was published in 1982 in the collection “Alexey Tolstoy and Samara.” A classmate of A.N. Tolstoy at the Samara Realschule, E.Yu. Gan described in his memoirs the entire period of their acquaintance with the future writer, lasting from the late 1890s to 1910–1911. This fragment describes several encounters between former classmates during their student years, which began in the fall of 1901 and, for various reasons, lasted for a full ten years, until the early 1910s. Of greatest interest are the memoirist’s detailed descriptions of his meetings with Tolstoy during the winter holidays of 1901–1902, exploring the old library in the house of the young Tolstoy’s stepfather in the summer of 1902, as well as brief encounters during the revolutionary unrest of 1905–1907 and their final meeting at a literary evening in Tolstoy’s St. Petersburg apartment in 1911. The introductory article preceding the publication reveals certain facts from the memoirist’s biography, clarifying the nature of his relationship with A.N. Tolstoy.

Keywords: A.N. Tolstoy, E.Yu. Gan, Samara, student vacations, the 1905–1907 revolution, Dresden, St. Petersburg, literary evening, F. Sologub, M. Kuzmin.

Information about the author: Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

For citation: Perepelkin, M.A. “Background for the Young Tolstoy. Alexey N. Tolstoy in the Memories of E.Yu. Gan.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 33–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-33-58>

References

1. *A.N. Tolstoy i Samara. Iz arkhiva pisatel'ia [A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive]*. Kuibyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)

2. Voskresenskii, A.A. “Revoliutsionnaia bor'ba rabochikh Khar'kovskogo parovozostroitel'nogo zavoda (1895–1917 gg.)” [“Revolutionary Struggle of Workers of the

Kharkov Locomotive Plant (1895–1917)"]]. Kharkov, V.N. Karazin Kharkiv National University Publ., 1958. 238 p. (In Russ.)

3. *Legendy i byli Samarskogo politekha [Legends and Facts of Samara Polytechnic]*, ed. M.A. Eremin. Samara, Samara State Technical University Publ., 2019. 144 p. (In Russ.)

4. Panov, N.I. *Zapiski samarskogo rektora: o sebe, ob universitete, ob inzhenerakh [Notes of the Samara Rector: About Himself, About the University, About Engineers]*. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 180 p. (In Russ.)

5. Perepelkin, M.A. "A.N. Tolstoi v vospominaniakh M.V. Neustruevoi. Chast' 1. Lesha i Manichka" ["A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 90–122. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122> (In Russ.)

6. Perepelkin, M.A. "A.N. Tolstoi v vospominaniakh M.V. Neustruevoi. Chast' 2. Aleksei Nikolaevich i Mariia Vasil'evna" ["A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 2. Aleksey Nikolaevich and Mariya Vasilievna"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 106–137. (In Russ.)

7. Perepelkin, M.A., and S.V. Semenov. "Bostromiada': ob odnoi polemike mezhdu A.A. Bostromom i Molotom (E.I. Pavchinskim)" ["Bostromiada': On a Controversy between A.A. Bostrom and Molot (E.I. Pavchinsky)"]. *Samarskii kraj v istorii Rossii. Materialy Deviatoi mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia P.V. Alabina [Samara Region in the History of Russia. Proceedings of the Ninth Interregional Scientific Conference dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of P.V. Alabin]*. Samara, PO "Standart" Publ., 2025, pp. 268–273. (In Russ.)

8. Popov, F.G. *Khronika revoliutsionnykh sobytii v Samare (1902–1917 gg.) [Chronicle of Revolutionary Events in Samara (1902–1917)]*. Kuibyshev, Kuibyshevskoe izdatel'stvo Publ., 1936. 319 p. (In Russ.)

9. Semenov, M.I. (Blan). *Revoliutsionnaia Samara 80–90-kh gg.: (vospominaniia) [Revolutionary Samara of the 80–90s: (Memoirs)]*. Kuibyshev, Kuibyshevskoe izdatel'stvo Publ., 1940. 86 p. (In Russ.)

10. Tolstaia, E.D. *Kliuchi schast'ia. Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg [Keys to Happiness. Alexey Tolstoy and Literary Petersburg]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 535 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 22.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026